

«В СВОИХ ПРЕДСКАЗАНИЯХ ПРАВЫЕ ОКАЗАЛИСЬ ПРОРОКАМИ». РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ О ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ, ПЕРСПЕКТИВАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИИ*

Аннотация: Статья посвящена анализу причин, заставлявших лидеров консервативных объединений Государственного совета и Государственной думы начала XX в. выступать против столкновения Российской и Германской империй, а также разбору их мотивации против союза власти с либералами в годы Первой мировой войны. На основе разносторонних источников показана высокая точность аналитических прогнозов русских правых относительно судьбы империи, либерализма и характера российской революции.

Ключевые слова: Русская история, Первая мировая война, консерваторы, либерализм, Государственная дума, Государственный совет, революция.

«...В своих предсказаниях правые оказались пророками», – такую фразу напишет уже в эмиграции член Государственной думы кадет В.А. Маклаков. «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции, – признавал правоту своих политических противников этот видный либеральный деятель. – Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть Революции, убедили [великого князя] Михаила [Александровича] отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем Правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы...» [10, 27].

Действительно, бросая взгляд на постигшую Россию революционную катастрофу, нельзя не признать, что, несмотря на свое политическое поражение, правые монархисты, в отличие от своих оппонентов – либералов, смотрели на грядущие судьбы Отечества куда более трезво и дальновидно.

Еще до начала Первой мировой войны правые депутаты Государственной думы предупреждали своих коллег из либерального лагеря о том, чем грозит России столкновение с кайзеровской Германией. С думской кафедры один из лидеров правых Н.Е. Марков пророчески восклицал: «...В результате (войны – А.И.) пострадают все, государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы...» [3, 199]. Поэтому думская фракция правых (впрочем, как и весь правый лагерь в целом) чувствуя возможность скорой войны с Германией, всячески советовал российской дипломатии не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий.

Объяснялась такая позиция, во-первых, недостаточной подготовленностью России к войне (правые отдавали себе отчет в том, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала нескольких лет спокойствия для полного ее воплощения), относительной слабостью ее вооруженных сил и оборонительных укреплений; во-вторых, из-за предвидения последствий, к которым привела война; в-третьих, видя в Германии единственное близкое по духу царской России мо-

* © Иванов А.А.

нархическое государство Европы. Поэтому-то правые и цеплялись за шаткие надежды предотвращения войны и возможность мирного сосуществования с кайзеровской Германией, в отличие от либералов, настойчиво советовавших правительству ориентироваться на либерально-демократические страны Антанты.

Наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П.Н. Дурново. Этот опытный царский бюрократ, человек, по оценке Л.А. Тихомирова, «замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной пронизательности» [11, 127–128], в феврале 1914 г. представил на имя императора «Записку», пророческий характер которой неоднократно привлекал внимание историков. Ее автор, предельно четко обозначив расстановку сил в надвигающейся войне, предупреждал, что при начале военного конфликта, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой, в случае вовлечения в него России на стороне первой, приведет к тому, что ей придется выступить в роли «оттягивающего пластыря». «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания», – предупреждал правый политик [12, 187]. Предвидя целый ряд осложнений в результате войны, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которую, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обвиняясь, ответить отрицательно» [12, 188].

При этом Дурново указывал, что союз между Англией и Россией не открывает перед последней абсолютно никаких выгод, но сулит явные внешнеполитические проблемы. «Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении Англии – открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря», – справедливо замечал он [12, 190].

Анализируя далее притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств» [12, 189]. Поэтому, считал лидер правых, ни труднодостижимая победа над Германией, ни, тем более поражение от нее, не сулило бы России никаких благ – ни во внутреннеполитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды). Вывод из «Записки» следовал такой: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примеренной с последней Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией» [12, 199].

О трагических последствиях для России при столкновении с Германией говорили и другие правые, так же, как и Дурново, указывавшие на отсутствие факторов,

которые не могли бы позволить двум европейским монархиям сосуществовать в мире. Безрадостную оценку внешнеполитической ситуации давал еще председатель фракции правых III Государственной думы А.С. Вязигин. В начале 1912 г. он писал о «возмутительном состоянии нашей армии», которая «не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение» [15, 34].

В отличие от либералов, выступавших с явных проанглийских и профранцузских позиций и веривших в скорое сокрушение Германии, никакого «шапкозакидательства», а тем более военного «угара», перед войной у правых не отмечалось. Помимо выше перечисленных причин, этому также способствовала убежденность, что республиканская «революционная» Франция и Британия, являвшаяся, по их представлениям, рассадником масонских лож, организующих государственные перевороты, лишь используют Россию для достижения исключительно своих целей, а потом постараются максимально ослабить свою союзницу, дабы не выполнять принятых в отношении нее обязательств. В ориентации же на Германию правыми делался акцент на то, что в союзе с ней «Россия будет находиться на положении равноправного союзника, интересы которого уважаются» [2, 20].

«Войны никто не желает, и все ее боятся. Бойтся ее и Германия, которую разьедает социализм. И сорок лет она не воевала, несмотря на упорные вызовы Англии. Почему же мы должны защищаться от врага, который нам не угрожал, даже во время Японской войны... и должны лезть в пасть гидре революции (т.е. Франции – А.И.)», – вопрошало правое издание [5]. Лидер думской фракции правых Н.Е. Марков развивал эту мысль еще дальше: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией... с Германией мы не воевали... со времени Елизаветы Петровны. У нас нет причин для войны; нужна война между Францией и Германией; нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно» [3, 199].

Не менее трезвым был взгляд представителей правых парламентских групп и на попытки российских либералов взять в годы разразившейся войны власть в свои руки. Сложившийся в ходе Первой мировой войны единый фронт либеральной оппозиции, получившей название Прогрессивного блока, вызвал во рядах правых монархистов бурю негодования. И дело тут было не только в том, что политические ориентиры правых и либералов принципиально расходились. Правые, в отличие от своих политических соперников, отдавали себе отчет в том, к чему может привести расшатывание авторитета власти в годы тяжелейшей для страны войны, и ни минуты не сомневались в том, что либералы, добившись власти, не смогут удержать ее в своих руках, тем самым ввергнув страну в революционную смуту и анархию.

В этой связи очень показательное открытое письмо члена фракции правых IV Государственной думы, видного тамбовского монархиста В.Н. Снежкова, взывающее либералов одуматься и отказаться от предлагаемых ими реформ хотя бы на время войны во имя сохранения российской государственности.

В своем обращении Снежков напоминал либералам, что еще в мае – июле 1915 г. такие видные деятели кадетской партии, как А.И. Шингарев и В.А. Маклаков призывали своих единомышленников не бороться за власть и не вносить вопросов, могущих вызвать обострение среди думских фракций. Царило настроение, подчеркивал автор послания, «совершенно непохожее на то, что началось в августе»: «вслед за взрывом единодушия, сперва отдельные деятели, а затем и целые партии, выдвинули на первый план различные политические требования, прямого отношения к войне не имеющие, к тому же часто весьма спорные с точки зрения блага России, а частью, по мнению широких слоев населения совершенно неприемлемые и, во всяком случае, не вызыва-

ющие необходимости в безотлагательном их решении»*.

Осудив неуместность появления в условиях военного времени оппозиционного блока, Снежков решительно выступал против проведения реформ, которые непременно оттянули бы на себя значительные финансовые средства, столь необходимые на дело государственной обороны. Он предупреждал либеральную оппозицию, что стремление вырвать у власти радикальные преобразования в период военных неудач, грозит стране необратимыми последствиями. «Внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого – принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу... бесплодные жертвы – потоки крови, миллионы убитых и раненых людей...», – таков неперемный результат борьбы за власть в военное время, пророчески предсказывал правый депутат*. Поэтому, увещевал Снежков, нельзя в период тяжелейшей для всего русского народа войны пересматривать опорные вопросы, по которым единомыслие не может быть обеспечено. «Я нахожу возможным лишь один выход, – заключал депутат, – представители «блока» должны заявить с трибуны Г. Думы: «Мы стремились провести ряд либеральных законопроектов, но около трети членов Г. Думы и около половины членов Г. Совета отказались к нам присоединиться; оставаясь верными нашей программе, мы проведем ее по окончании войны, ныне же, не желая нарушать создавшееся единение всех фракций, обсуждение программы приостанавливаем... политические идеалы должны поблекнуть по сравнению с другим идеалом – независимой и целой великой Российской Империей»**.

К сожалению, это предостережение не было услышано, и думское большинство, ничуть не встревожившись грозными предупреждениями, продолжило осаду власти. Для либерального лагеря цель (либерализация и демократизация России, при непосредственном руководстве им этим процессом) оправдывала средства. Идеалы политические оказались сильнее государственных, хотя вполне возможно, что российские либералы были искренне убеждены в обратном.

Лидеры правой фракции в Государственной думе и правой группы Государственного совета в годы войны также неоднократно подчеркивали, что либералы не имеют поддержки в широких слоях русского общества, и контроль над массами могут захватить либо правые, либо левые идеи; к программам же либералов-западников народ, в подавляющей своей массе, останется равнодушен. Согласно пессимистичному заключению «Записки», составленной в январе 1917 г. в кружке члена Госсовета А.А. Римского-Корсакова, народные массы могут с одинаковым увлечением скандировать «Боже, царя храни!» и «Долой самодержавие!», но в том и другом случае толпа будет крепка и постоянна в ненависти к имущим классам и одержимостью к разделу чужого имущества. Исходя из этого, подчеркивалось в документе, необходимо максимально упрочить государственную власть, а никак не ослаблять ее малопонятным большинству населения введением конституционных начал. В противном случае, предупреждал автор «Записки», ситуация будет развиваться по такой схеме: пришедшие к власти либералы разгромят правую оппозицию, но вскоре окажутся бессильными в борьбе с левыми радикалами, которые в этих условиях непременно поднимут голову, и как итог – «революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущих классов и, наконец, мужик-разбойник» [9, 110].

Очень точно предсказал судьбу русского либерализма, если его представители получат власть в условиях войны, и цитировавшийся нами выше П.Н. Дурново. Если самодержавной власти хватит воли пресечь оппозиционные выступления достаточно твердо, то, полагал консервативный аналитик, «при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится». Но если правительственная

власть пойдет на уступки и попробует войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя это и звучит парадоксально, – писал он, – но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия» [12, 196].

Говоря о неизбежности революционных выступлений в случае военных поражений, Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишены действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [12, 196].

«Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких масс населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе...», – выражал уверенность лидер правых в Государственном совете П.Н. Дурново [12, 195–196].

А лидер крайне правых в Государственной думе Н.Е. Марков, предупреждая об этом же либеральные октябристско-кадетские круги, еще в 1912 г. отмечал, что народ пойдет или с правыми, или с левыми, но не с либералами, «ничего общего с народом не имеющими» [6, 527]. В годы войны, обращаясь к членам Прогрессивного блока, он развил эту мысль дальше: «Вы говорите: общественное доверие, страна верит вам, вам, представителям шести объединившихся фракций. А я этого не вижу... Верят вам представители шести еврейских газет» [7, 1453].

Не ошибся Марков и в своем предсказании, сделанном в 1913 г. Рассуждая в одной из своих думских речей о «безграничной» свободе, которой требовали левые и либералы, лидер правых заявил, что если бы случилось так, что такой апологет свободы слова, как трудовик А.Ф. Керенский оказался во главе российской республики (что, как известно, в точности и произошло), он бы первый послал городских арестовать Маркова [15, 350] (и здесь правый депутат не ошибся – вскоре после Февральской революции он был арестован, а все монархические газеты, несмотря на провозглашенную свободу слова, были запрещены).

Провозглашение лозунга борьбы с властью в военное время правые расценивали как прямой призыв к революции, а революция во время войны, по их убеждению, означала разгром России. «Вспомните Японскую кампанию!» – взывал в 1915 г. известный правый публицист Н.П. Тихменев, указывавший, что победа конституционалистов в России своим неминуемым следствием будет иметь позорный мир с Германией [9, 97]. А черносотенец П.Ф. Булацель в 1916 г. пророчески восклицал, обращаясь к либералам: «Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, но вы не предвидите, что ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той ре-

волюции, которую вы хотите создать в России, пользуясь нерешительностью теперешнего правительства. Вы готовите могилу не только «старому режиму», но бессознательно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чем неповинных граждан. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже «одержимые революционной манией» демагоги бунта социал-демократии и трудовиков!» [4, 14].

«Необходимо отдать должное прогностической прозорливости правых – события марта 1917 г. – марта 1918 г. (от «великого и бескровного» свержения монархии до «похабного» Брестского мира) доказали их правоту», – признает по этому поводу современный историк [9, 97].

Правые пытались втолковать членам Прогрессивного блока, что «народ и рабочие – они люди дела, они люди мозолистых рук» и если страдающий от войны народ убедить в том, что все беды, обрушившиеся на него, происходят исключительно от неумелых действий правительства, призывать его к борьбе с ним, то, предупреждали они: «знайте, что ваши слова ведут к восстанию, ведут к бунту, к народному возмущению, к ослаблению государства...» [8, 97].

Правые совершенно справедливо, как показала история, отмечали, что требования «ответственного министерства» и «правительства общественного доверия», расшатывание авторитета царской власти разрушают государство. Если лидер кадетов П.Н. Милюков, требовавший устранения существующей политической системы с самодержавным монархом во главе, говорил, что если бы к власти пришло «то правительство, которое мы желаем, мы совершили бы чудеса» [1, 136] (как известно, это правительство, сплошь состоящее из лиц, облеченных общественным доверием, не продержалось и трех месяцев), то правые предупреждали, что действия либералов ведут к революции. В ответ на слова Милюкова Н.Е. Марков заметил: «...вы, гг., по видимому не понимаете, что вы хотите сделать, и я вам указываю: вы хотите ввести в России революцию, чтобы революция разрушила все, худо или хорошо сложенное русское государство» [7, 103].

Однако доводы правых монархистов, указывавших на наивность либеральных чаяний, что народ, после того как в нем убили веру в царя, окажет доверие «какому-то Родзянко», не воспринимались их противниками всерьез. Прозрение наступило позже, когда предсказанные правыми катастрофы стали разворачиваться одна за другой. В 1918 г. П.Н. Милюков, совсем недавно обещавший продемонстрировать «чудеса», на которые, по его мнению, была способна либеральная власть, в письме правому монархисту И.В. Ревенко с горечью сетовал: «Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы... Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону – теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты Вы видите сами» [14, 43]. Но публично признать правоту своих оппонентов справа в этом вопросе Милюков, тем не менее, отказывался, доверяя частному письму такие строки: «Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись» [14, 44].

«Торжествующие либералы, избавившись от «безумного шофера» (выражение

В.А. Маклакова***), сами сели за руль, и мартовско-октябрьская практика Временного правительства с наглядностью подтвердила пессимистические прогнозы правых монархистов... Загипнотизированный собственным информационно-виртуальным «величием» российский либерализм исторически мгновенно доказал свою тотальную несостоятельность и погиб в волнах «русского бунта» им же во многом и спровоцированном» [9, 174–175].

Таким образом, следует признать, что правые достаточно точно предсказали ход политических событий в стране, вызванных столкновением с Германией, ослаблением правительственной власти, переходом ее в руки либералов с последующим торжеством левых радикалов. Отличаясь от своих политических противников более дальновидным взглядом на будущее, предвидели правые и собственное поражение в этой борьбе. Причина такой дальновидности правых, прежде всего, заключалась в том, что русские монархисты, оставаясь в рамках традиционалистских установок, знали русский народ значительно лучше, в отличие от высокообразованных, по-европейски мыслящих, но крайне далеких и оторванных от своего народа либералов. Другое дело, что, предугадав разрушительные процессы, сами правые не смогли победить своих противников в информационном пространстве, предложить механизмов воплощения в жизнь действенных в этих сложных условиях мер для умиротворения общества, спасения монархической государственности от краха, а страны – от погружения в революционную смуту и гражданскую войну.

Но, как справедливо заметил в свое время исследователь В.В. Кожин, в контексте многих сбывшихся прогнозов, сделанных русскими правыми, «само определение «правые» вдруг приобретает... ценнейший смысл: «правые» – это те, кто в отличие от либералов, которые в той или иной степени принадлежали к «левым», – были *правы* в своем понимании хода истории... Именно и только эти деятели и идеологи действительно понимали, куда двигалась Россия в начале XX века...» [13, 27].

Сноски и примечания:

* Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.

** РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.

*** В статье «Трагическое положение» («Русские Ведомости». 1915. № 221), которая распространялась в многочисленных копиях, В. А. Маклаков, намекая на царя, рассуждал о «безумном шофере», который «править не может», «ведёт к гибели вас и себя», но «цепко ухватился за руль» и не пускает людей, «которые умеют править машиной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
2. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Кострома, 2005.
3. Богоявленский Д.Д. Н. Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. научных трудов. Вып. 1 / Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2001.
4. Булацель П.Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 46.
5. Вестник Союза русского народа. 1912. № 85. 25 января.
6. Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912.
7. Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1916.
8. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916.
9. Давиденко А.В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 – февраль 1917 г.). Хабаровск, 2006.
10. Двуглавый орел. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря).
11. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008.

12. Дурново П.Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павлович // Красная новь. 1922. № 6 (10).
13. Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, дополненное. М., 1998.
14. Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М., 2004.
15. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х томах / сост., вступ. ст., коммент. Ю. И. Кирьянов. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998.

A. Ivanov

«THE RIGHTS PROVED TO BE PROPHETS». THE LEADERS OF THE RUSSIAN RIGHT WING ABOUT THE WAR AGAINST GERMANY, PERSPECTIVES OF LIBERALISM AND REVOLUTION

Abstract: The article is devoted to the analysis of the reasons which made the leaders of the conservatives groups of State Council and State Duma in the XX century to come forward against collision of Russian and German empires. This work also examines their motivation against the unity of the power with the liberals during World War I. Basing on the various sources the article shows the high exactness of the analytical forecasts of the Russian right concerning the fate of the empire, liberalism and the nature of Russian revolution.

Key words: Russian history, World War I, conservators, liberalism, State Duma, State Council, parliament, revolution.